

Д. В. Лобок

**ПРОФСОЮЗЫ И СОВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО В УСЛОВИЯХ
СТАНОВЛЕНИЯ КОМАНДНО-АДМИНИСТРАТИВНОЙ СИСТЕМЫ
(1929–1930 гг.)**

Статья посвящена трагическому периоду в развитии российского профсоюзного движения. Исследуются причины, методы и последствия перестройки работы профсоюзов на первом этапе «социалистической индустриализации». Основываясь на новых архивных документах, автор показывает процесс превращения профсоюзов в придаток складывающейся командно-административной системы.

D. Lobok

**TRADE UNIONS AND THE SOVIET STATE IN CONDITIONS
OF THE DEVELOPMENT OF COMMANDING ADMINISTRATIVE SYSTEM
(1929–1930)**

The reasons, methods and consequences of reorganization of trade unions at the first stage of «socialist industrialization» are regarded. Archival documents are referred to for disclosing the process of transformation of trade unions into an appendage of the administrative system.

К концу 20-х годов в политической и социально экономической жизни произошли большие изменения. В руководстве правящей партии начинает формироваться и реализуется сталинский вариант стратегии социалистического развития.

Сталин и его сторонники считали, что преодолеть промышленную отсталость можно, не взирая ни на какие социально-экономические, политические и идейно-нравственные издержки. Страте-

гия ускоренного индустриального развития открыто требовала от советских людей «серьёзных жертв» и призывала трудящихся сознательно пойти на них.

Во многом данная позиция объяснялась экономическими трудностями в начальный период осуществления индустриализации. Товарный дефицит в стране обострялся эмиссиями и ростом денежных доходов населения. В 1927–1928 годах номинальная зарплата на промышленных предприятиях вместо за-

планированных 7,2% возросла на 12,3%. Это порождало инфляцию, рубль терял покупательную способность. Рост номинальной заработной платы рабочих представлен в табл. 1, составленной на основе данных о положении ленинградских рабочих¹.

Однако рост номинальной заработной платы не приносил улучшения в экономическое положение рабочих, так как реальная зарплата росла в совершенно неудовлетворительном размере (табл. 2)².

Причина неудовлетворительного роста реальной заработной платы была в постоянном росте цен и огромных товарно-денежных затруднениях. Рост зарплаты отставал от роста стоимости бюджетного набора, что видно из представленной табл. 3³.

В период 1928–1929 хозяйственного года наблюдалось значительное повышение цен на продукты питания и предметы первой необходимости. Стоимость

бюджетного набора возросла в среднем на 8%, причём товарная часть бюджетного набора (33 товара) возросла по частному сектору на 40,7%, а по общественному сектору — на 5,1%⁴.

Ситуация в городах продолжала ухудшаться. Страна встречала новый 1929 год длинными очередями за хлебом, разгромами хлебных будок, драками и давкой в очередях. Трудовая дисциплина падала, рабочие бросали работу и стояли в очередях.

Продовольственная лихорадка охватила и столицу, которая снабжалась лучше других городов. Длинные очереди рабочих выстраивались даже за дорогим белым хлебом

В этих условиях зимой 1928–1929 гг. Правительство приступило к официальному оформлению всесоюзной карточной системы на хлеб. Сталинская часть руководства ВКП(б) считала, что решить вопросы индустриализации в социально-экономических условиях нэпа

1. Рост номинальной заработной платы рабочих

Годы	Количество зарплаты в рублях	Процент к предыдущему году
1926–1927	79,86	100,0
1927–1928	89,65	112,3 +12,3
1928–1929	98,79	123,7 +10,2
1-я пол. 1929–1930	103,08	129,1 +4,3

2. Рост реальной заработной платы ленинградских рабочих

Годы	Процент зарплаты к уровню прошлого года
1926–1927	100,0
1927–1928	114,1 +14,1
1928–1929	116,5 +2,1
1-я пол. 1929–1930	118,3 +1,6

3. Динамика роста бюджетного набора

Годы	Процент к прошедшему году
1926–1927	100,0
1927–1928	98,4
1928–1929	106,2
1-я пол. 1929–1930	109,1

не представляется возможным. Выступая за форсированное строительство социализма, Сталин и его сторонники возрождали военно-коммунистический подход к разрешению экономических задач.

В ЦК ВКП(б) существовала и иная точка зрения на социалистическое строительство. Её отстаивали Н. И. Бухарин, А. И. Рыков и М. П. Томский. Административно-волевым методам они противопоставляли курс на осуществление индустриализации страны и социалистического кооперирования сельского хозяйства по мере созревания объективных и субъективных условий, поддерживая сохранение и совершенствование экономического механизма, складывающегося в годы нэпа.

Выступая на июльском 1928 года Пленуме ЦК ВКП(б), председатель ВЦСПС М. П. Томский доказывал, что причиной кризиса стали ошибки партии в руководстве хозяйственным строительством, а не обострение классовой борьбы, как считал И. В. Сталин⁵. От позиции М. П. Томского зависело отношение профсоюзов к мероприятиям правящей партии и Советского государства в условиях начинающегося «великого перелома». Дальнейшие события показали, что периоду развития модели «советского тред-юнионизма» пришёл конец.

Очередная перестройка работы профсоюзов началась с атаки на руководство профсоюзов и их лидера М. П. Томского.

И. В. Сталин и его сторонники приняли ряд мер по дискредитации председателя ВЦСПС. Многие из этих методов были вскрыты М. П. Томским в его выступлении на объединенном Пленуме ЦК ВКП(б) и ЦКК ВКП(б), проходившем в апреле 1929 года. Вслед за критическими публикациями в газетах внутри аппарата ВЦСПС стала создаваться нездоровая атмосфера по отношению к М. П. Томскому. Вот как он сам описывал это: «Я не знал, кто руко-

водит в ВЦСПС — я или ячейка? Люди бегают, совещаются, выносят резолюции, работники ВЦСПС во всех газетах критикуют работу ВЦСПС, заведующие отделами по неделям не являются в кабинет председателя ВЦСПС. ...Что мы, старые большевики, не понимаем старых методов борьбы? “Дискредитируй, окружай своими людьми, отними всю армию, а потом сними, прогони, раздави”»⁶.

Своей кульминации давление на М. П. Томского достигло на VIII съезде профсоюзов СССР, проходившем в декабре 1928 года.

Анализ решений съезда позволяет сделать вывод о попытке руководства профсоюзов отстоять сложившуюся модель взаимоотношений с Советским государством. В резолюции «О контрольных цифрах пятилетнего плана развития промышленности СССР», соглашаясь с важностью создания и развития новых производств, съезд предлагал всем профессиональным организациям оказать всемерную поддержку хозорганам в проведении индустриализации⁷.

В то же время съезд подчеркивал, что высокие темпы роста производительности труда, намеченные в контрольных цифрах, могут быть осуществимы только при значительном улучшении условий труда, жилищного и бытового положения рабочих. Съезд отстаивал увеличение ассигнований на жилищные и бытовые нужды работников, считал необходимым добиться повышения заработной платы на 50%⁸. Из текста резолюции видно, что руководство профсоюзов стремилось привлечь рабочих к участию в индустриализации через материальную заинтересованность.

С другой стороны, съезд принял резолюцию «О деятельности РКИ», в которой поддержал тезис об обострении классовой борьбы и усилении сопротивления «антисоветских элементов» по мере продвижения к социализму. Съезд одобрил

предпринимаемую рабоче-крестьянской инспекцией работу по проверке советского аппарата и предложил привлечь ВЦСПС к разработке практических мероприятий РКИ, ограждающих советский аппарат от засорения его чуждыми элементами. Принятие данной резолюции объяснялось стремлением профсоюзов установить более действенный контроль за деятельностью советского аппарата и хозорганов, так как существующие временные контрольные комиссии не имели прав заставлять администрацию выполнять решения производственных совещаний. Однако признание сталинского тезиса о неизбежности обострения классовой борьбы в скором времени ударило по профсоюзам.

Некоторая «несогласованность» принятых на съезде резолюций объясняется борьбой, происходившей в коммунистической фракции съезда. Именно там впервые произошла проба сил сторонников И. В. Сталина и М. П. Томского. Выступавший на коммунистической фракции съезда Л. М. Каганович под лозунгом проведения «критики и самокритики» потребовал признать работу ВЦСПС неудовлетворительной. Однако коммунистическая фракция съезда не поддержала его предложение. В выступлениях части профработников это предложение расценивалось как курс на «перетряхивание» профсоюзов. Перед самым закрытием съезда В. М. Молотов внёс предложение ввести в Президиум ВЦСПС Л. М. Кагановича. Несмотря на несогласие 92 членов фракции, большинство делегатов голосовало за предложение ЦК партии⁹.

23 декабря 1928 года М. П. Томский подал в отставку со своего поста. Уход М. П. Томского показал, кто является истинным хозяином в профсоюзах.

В решениях объединенного Пленума ЦК и ЦКК ВКП(б), проходившего в апреле 1929 года, взгляды Н. И. Бухарина,

А. И. Рыкова и М. П. Томского были подвергнуты критике. Пленум удовлетворил заявления М. П. Томского и Н. И. Бухарина об уходе в отставку с занимаемых ими должностей. Провозгласив курс на «социалистическую реконструкцию», пленум отметил обострение классовой борьбы в стране¹⁰. Тем самым оправдывалось введение командно-административных методов руководства.

II Пленум ВЦСПС, проходивший 29 мая — 1 июня 1929 года, освободил М. П. Томского от должности председателя и вывел его сторонников из Президиума ВЦСПС. С докладом на фракции ВКП(б) пленума выступил А. И. Догдов, который доложил о решениях апрельского Пленума ЦК ВКП(б) и XVI партконференции. Фракция, подчиняясь решению вышестоящих партийных органов, одобрила предложенную им резолюцию. В вину М. П. Томскому и его сторонникам ставились капитуляция перед трудностями социалистического наступления на капиталистические элементы города и деревни, сопротивление быстрому развитию тяжелой промышленности и возникновению совхозов. По мнению членов фракции, старое руководство ВЦСПС: прикрывало цеховые интересы и настроения отсталых слоёв рабочего класса, тормозило развитие самокритики в профсоюзах, ограничивало роль профсоюзов в деревне, увлекалось культпросветработой в ущерб политическому просвещению масс¹¹.

Главным же преступлением называлось стремление М. П. Томского и его сторонников противопоставить коммунистов-профработников руководящим партийным органам. Поддержав новый курс партии, фракция ВЦСПС провела на II Пленуме все необходимые организационные решения.

Для руководства ВЦСПС пленум избрал коллегиальный орган — секретариат из пяти человек: Н. М. Шверника,

И. А. Акулова, Г. Д. Вейнберга, А. И. Догадова, Н. Н. Евреинова. В марте 1930 года первым секретарём был избран Н. М. Шверник¹².

Изменение политического курса требовало пересмотра роли и места профсоюзов в государстве. Пленум высказался за решительное уничтожение остатков цеховой замкнутости и «тред-юнионизма» в их работе.

Накануне и в период работы II Пленума ВЦСПС среди профсоюзных работников была проведена последняя дискуссия о взаимоотношении профсоюзов и Советского государства в период социалистической реконструкции. Она велась под лозунгом борьбы с «тред-юнионистским уклоном» в профсоюзах.

Выступавшие с позиций «советского тред-юнионизма» М. П. Томский и его сторонники продолжали в ходе дискуссии отстаивать приоритет защитных функций профсоюзов. Новый курс Сталина по отношению к профсоюзам они воспринимали как возрождение троцкистских взглядов периода политики «военного коммунизма».

Председатель союза металлистов В. Г. Козелев выступил на страницах журнала «Металлист» против «троцкистского сращивания» профсоюзов и государства. По мнению автора статьи, партия повторяла ошибки периода военного коммунизма, когда осуществлялось «перетряхивание» и «бюрократическое дерганье» профсоюзов.

В. Г. Козелев считал, что защитные функции профсоюзов должны сохраняться независимо от изменения темпов индустриализации. При этом Козелев полагал, что приоритетной задачей профсоюзов является борьба за повышение заработной платы в денежном выражении, а не за снижение цен. Очень осторожно, по его мнению, следовало подходить к увеличению рядов проф-

союзов за счёт привлечения в них «полупролетарских деревенских» союзов¹³.

Вызывал возражения со стороны старого руководства ВЦСПС и ставший вновь модным лозунг «критики и самокритики».

Поиску врагов народа М. П. Томский и его сторонники противопоставляли «самокритику и критику» в традициях, сложившихся в период нэпа, которая носила конструктивный, а не разрушительный характер. По его мнению, критика со стороны партии влекла за собой «пришивание» различных политических уклонов. В целом Томский и его сторонники отстаивали ту модель взаимоотношений между государством и профсоюзами, которая сложилась в период проведения новой экономической политики.

В свою очередь, стали появляться статьи сторонников перестройки работы профсоюзов в период социалистической реконструкции.

21 и 25 сентября в «Нашей газете» была опубликована статья секретаря ЦК профсоюза советских торговых служащих Гегечкори. Не ограничиваясь критикой тред-юнионистской «ограниченности» прежнего руководства ВЦСПС, автор статьи поставил вопрос о природе профсоюзов в период развёрнутого социалистического строительства. По мнению Гегечкори, профсоюзы быстро двигались «к тому времени, когда начинает изменяться природа государства и профсоюзов»¹⁴.

Автор статьи считал, что «объединение профсоюзов по производствам становится уже недостаточным», а «профессиональная борьба — борьба за заработную плату, рабочий день и пр.» отмирает. Рабочий, по его мнению, становится хозяином индустрии, а власть директора, следовательно, должна была отмереть. Основываясь на данных выводах, Гегечкори предлагал отменить коллективные договоры и заменить их до-

говорами о социалистическом соревновании. По мнению автора, следовало изменить уставы профсоюзов, «политизировав» профсоюзное членство, установив для всех членов союзов такие обязанности, как социалистическое соревнование, борьба с религией, превратив профсоюзы, по сути дела, во вторую партию¹⁵.

Ссылаясь на статьи В. И. Ленина периода дискуссии о профсоюзах на X съезде партии об участии профсоюзов в ведении хозяйства, Гегечкори призывал к немедленному слиянию профсоюзов и государства. Такие понятия, как коллективный договор, социальное страхование, третейское разбирательство, являлись, по мнению автора статьи, «капиталистическими категориями». По его утверждению, в новых условиях, когда на первый план в деятельности профсоюзов выходило социалистическое соревнование, добровольное снижение расценок, создание ударных бригад, — на сцену выступала «новая коммунистическая организация труда взамен прежней, рыночной, с её куплей и продажей и спорами о цене»¹⁶.

Дальнейшие события покажут, что многое из предложений Гегечкори будет активно проводиться в жизнь И. В. Сталиным и его окружением.

В ходе дискуссии о месте профсоюзов в Советском государстве периода социалистической реконструкции представляет интерес позиция тех профессиональных работников, которые, поддерживая курс на индустриализацию, стремились сохранить преимущество в их деятельности. К этой группе относилась часть нового руководства ВЦСПС — А. И. Догадов, Н. Н. Евреинов и И. А. Акулов.

В начале 1930 года были опубликованы брошюры Н. Н. Евреинова «Против уклонов от ленинской линии в профдвижении» и И. А. Акулова «Профсоюзы

лицом к производству». Авторы брошюр выступали не только против «правого» тред-юнионистского уклона в профдвижении, но и против «левацких» наскоков на профсоюзы.

Признавая курс партии на социалистическую индустриализацию, И. А. Акулов и Н. Н. Евреинов стремились положить в основу перестройки профсоюзов резолюцию XI съезда партии, в которой было намечено два направления работы профсоюзов: защитная и производственная работа. Соглашаясь с критикой «правых» за увлечение защитной работой, Н. Н. Евреинов, И. А. Акулов предлагали сочетать лозунг «Лицом к производству» с выполнением профсоюзами своих защитных функций. Организация социалистического соревнования, по их мнению, должна была способствовать борьбе с бюрократизмом государственного и хозяйственного аппаратов. «Фабзавком должен перестроить свою работу: работники завкома должны отказаться от заседательской суеты, от всякой беготни, согласований, заседаний, а идти в цех, чтобы каждый рабочий всегда мог к ним обратиться за помощью при разрешении различных вопросов, как производственных, так и бытовых», — писал И. А. Акулов¹⁷.

Поддерживая принцип единоначалия на производстве, авторы указывали на ответственность хозяйственников перед профсоюзами. Профсоюзы должны были контролировать все хозяйственные процессы на предприятии. Усиление контрольных функций позволяло бы профсоюзам усилить своё влияние на хозяйственный аппарат. Ссылаясь на декрет Совнаркома об ответственности хозяйственников за проведение принятых ими предложений производственных совещаний, И. А. Акулов предлагал сочетать «твёрдую диктаторскую власть» директора предприятия с контролем со стороны рабочих данного предприятия. Проф-

союз не мог отменить распоряжение администрации, но мог поставить вопрос о несоответствии хозяйственника занимаемой им должности.

Касаясь защитных функций профсоюзов, в условиях социалистической реконструкции, И. А. Акулов и Н. Н. Евреинов подвергли критике позицию Гегечкори об отмирании профсоюзов и их защитной деятельности. Напоминая дискуссию о профсоюзах в 1920–1921 годах, Н. Н. Евреинов охарактеризовал статью Гегечкори как возрождение идей «троцкизма» и одновременно анархосиндикализма в профсоюзном движении¹⁸.

Выступая с критикой позиции Гегечкори, Н. Н. Евреинов и И. А. Акулов говорили о смене приоритетов в защитной деятельности профсоюзов. Авторы предлагали увязать защитные функции профсоюзов с их производственной деятельностью. В иную плоскость переводился и вопрос об участии профсоюзов в ликвидации безработицы. Стремление поддержать курс партии на ускоренную индустриализацию приводило к тому, что профсоюзы должны были участвовать в организации рынка труда, в переквалификации рабочей силы, в создании кадров для промышленности¹⁹.

Отрицая предлагаемую «левыми» отмену заключения коллективных договоров, И. А. Акулов и Н. Н. Евреинов рассматривали коллективный договор как двустороннее обязательство. В отличие от периода нэпа, любое требование профсоюзов при перезаключении коллективного договора — от повышения зарплаты до улучшения бытовых и культурных условий рабочих — должно было сопровождаться принятием ими на себя обязательств по части выполнения запроектированных показателей производительности труда, снижения себестоимости, улучшения качества продукции²⁰.

Особое внимание в публикациях руководителей ВЦСПС уделялось самокритике и обновлению кадров. В отличие от призывов к поиску врагов и тотальной «чистке» среди профсоюзных кадров, предлагалось разработать ряд мероприятий, которые позволили бы безболезненно «освежить» профсоюзные кадры. Авторы считали, что обновление руководящих органов профсоюзов должно происходить так, «чтобы в руководящих органах профорганизаций было не меньше 50% беспартийных, чтобы руководящие работники профсоюзов через известный промежуток времени механически переходили на низовую работу». Каждый работник профдвижения, занимающий руководящий пост, должен был иметь производственный стаж, чтобы иметь право возглавить профсоюзную организацию²¹.

В целом предложения «умеренных» лидеров нового руководства ВЦСПС носили конструктивный характер, так как основывались на опыте профсоюзов, который они получили в период нэпа. Их реализация на практике могла бы позволить избежать многих ошибок при вовлечении профсоюзов в развёрнутое социалистическое строительство.

Однако такие подходы не устраивали сталинское руководство. Используя «умеренных» руководителей ВЦСПС для борьбы с М. П. Томским, новое руководство профсоюзов подвергло их на следующем этапе беспощадной критике.

Уже на XVI съезде ВКП(б) выступление представителей «умеренной» части ВЦСПС — в частности, А. И. Догадова, было практически сорвано выкриками и репликами с мест²².

После победы над «правыми» началось «подхлестывание» экономического развития. На проходившем в ноябре 1929 года Пленуме ЦК ВКП(б) собравшиеся подчёркивали необходимость любыми силами, любой ценой ускорить

развитие машиностроения, выпуск тракторов, различных видов сельхозтехники²³. Пленум провозгласил увеличение темпов развития промышленности по сравнению с предлагаемым пятилетним планом, причём не до 28%, как предлагал В. Куйбышев, а до 32%²⁴.

В этих условиях перед профсоюзами были поставлены следующие задачи: ускоренными темпами развернуть работу по ликвидации оппортунистов в профсоюзах, изжить тред-юнионизм в их работе, претворить в жизнь лозунг «Профсоюзы — лицом к производству!».

По указанию руководства партии в профсоюзных органах развернулась работа по ликвидации «оппортунистов» во всех профсоюзных структурах. О масштабах и методах этой работы наглядно свидетельствуют выступления сторонников Сталина на XVI съезде ВКП(б).

Так, например, представитель ВЦСПС Полонский докладывал съезду: «В ряде инженерно-технических секций при ЦК союзов руководителями этих секций были вредители, которые одновременно являлись руководителями вредительских организаций. В самой ячейке ВЦСПС во время чистки партии выяснилось, что выходцев из других партий к общему числу коммунистов имелось 41%. Наконец, товарищи, в ячейке ВЦСПС было исключено из партии при чистке 55 человек, из них больше половины этого числа — 27 человек — исключены как классово и идеологически чуждые элементы»²⁵.

Подобная ситуация сложилась и в региональных объединениях профсоюзов.

В докладе нового председателя Ленинградского областного совета профсоюзов П. Алексева (сменившего обвинённого в оппозиции Ф. Угарова) II Областному съезду профсоюзов, проходившему в апреле 1932 года, говорилось: «После смены оппортунистического руководства в 1929 году ко второму

съезду руководство ЛОСПС и Обкомов профсоюзов обновлено на 100%. Если в 1929 году по 10 союзам было распущено 26 ФЗМК, то только по 6 союзам за 1930 год были распущены 114 ФЗМК. В 1931 году распущены 22 ФЗМК Обкома деревообделочников, по 8 союзам — 132 ФЗМК»²⁶.

Чистка профсоюзных рядов проходила в соответствии с циркулярами и инструкциями, которые разрабатывались в партийных инстанциях. Из отчёта по обследованию работников Ленинградского института прикладной химии и опытного завода при нём видно, как проходила данная работа на отдельных предприятиях. В отчёте говорилось, что: «...обследованные работники были разделены по их общественно-политической ценности на пять категорий, а именно: первая категория — активный противник Советской власти; вторая — противник власти, но более или менее скрывающий это; третья — сторонник Советской власти по обязанности, «болото»; четвертая — искренний сторонник Советской власти и общественности; пятая — активные сторонники Советской власти и общественности, пользующиеся полным доверием»²⁷.

Показательные исключения из профсоюзов охватили всю страну. Они предавались гласности в печати, обсуждались на профсоюзных собраниях и конференциях.

Руководство ВКП(б) и центральные органы государственной власти стремились узаконить данную «чистку» путём принятия специальных постановлений. Ещё в декабре 1928 года было принято постановление ЦИК и СНК СССР, озаглавленное «Правила проверки личного состава государственных служащих». В нём предлагалось:

«1. ...всем государственным учреждениям и предприятиям СССР... произвести проверку личного состава с точки

зрения соответствия его задачам социалистического строительства...»²⁸.

В соответствии с постановлением на всех предприятиях создавались специальные комиссии по проверке работников, в состав которых входили: руководитель учреждения (председатель), представители соответствующего органа наркомата, рабоче-крестьянской инспекции и заинтересованного профессионального союза. При рассмотрении в комиссии дел, возбуждённых органами ОГПУ, в состав комиссии входил с правом совещательного голоса представитель ОГПУ.

В постановлении предлагалось увольнять: лиц, лишённых по конституции избирательных прав в связи с их социальным положением; лиц, хотя и не лишённых избирательных прав, но идеологически чуждых делу социалистического строительства; лиц, дальнейшее пребывание которых на данной работе будет признано нежелательным с точки зрения социалистического строительства и т. п.²⁹

Постановление давало широкие возможности для злоупотребления на местах, способствуя укреплению командно-административных методов руководства.

В документе особо подчёркивалось, что голос председателя-руководителя учреждения давал перевес при принятии решения комиссией. Профсоюзы лишались многих прав по защите своих членов от произвола администрации. Они не могли выступать в защиту уволенных работников, которые, в соответствии с постановлением, могли регистрироваться на бирже труда только как чернорабочие³⁰.

Особой популярностью пользовались открытые общественные суды, на которых принимались решения о снятии с работы и исключении из профсоюза политически неблагонадежных.

В некоторых случаях политика «чисток» в профсоюзах встречала сопротивление на местах.

Так, директор ленинградского завода «Красный путиловец» К. М. Отс на профсоюзной конференции своего предприятия 12 июля 1931 года отмечал, что необходимо следить за тем, чтобы при случайной ошибке на производстве не подходить к инженеру с точки зрения суда, прокуратуры, не переводить разговор на тему вредительства³¹.

Наиболее часто недовольство проходившей «чисткой» высказывали представители высшей школы, где ещё сохранялись демократические традиции.

Например, на заседании профсоюзного актива научных работников Ленинграда, проходившем 5 июня 1929 года, уполномоченный профсоюза В. Н. Кораблёв выступил против методов, которыми проводилось обследование членов профсоюза. Ссылаясь на точку зрения председателя правительственной комиссии Н. И. Подвойского, который выступал за взвешенный и осторожный подход по отношению к старой профессуре, выступавший дал отрицательную оценку попыткам определить политическую благонадёжность членов профсоюза по их социальному положению. Приведя случай, когда «один профессор Ленинградского вуза был распят... только за то, что он из дворян Казанской губернии...», В. Н. Кораблёв призвал бороться с подменой перевыборов чисткой³².

Приведённые примеры были не единичны. Отдельные члены профсоюзов голосовали против резолюций, осуждающих вредителей в профсоюзном движении.

Против таких фактов создавалось отрицательное общественное мнение. Дело доходило до исключения из членов профсоюзов всех несогласных с новой политической линией. Так поступили с профессором А. П. Рубель, который был

восстановлен в профсоюзе только после вмешательства областного бюро фракции ВКП(б) при профсоюзе работников просвещения³³.

В 1930 году борьба с «вредителями» и «тред-юнионистами» внутри профсоюзов достигла высшей точки. Особо сильной она была в профсоюзах, которые объединяли представителей интеллигенции, так как именно в ней власть видела потенциальных оппонентов проводимой политике.

В январе 1930 года в Москве, Ленинграде, Харькове, Ростове-на-Дону и других городах были организованы демонстрации научной и технической интеллигенции. Демонстранты несли лозунги: «Долой инженерскую нейтральность и аполитичность!», «Вырвем с корнем вредительство!», «Да здравствует политическая спайка ИТР и рабочего класса!», «Вперёд на аванпосты социалистической стройки!». Оценивая данное мероприятие, «Ленинградская правда» писала: «Грош цена инженеру и технику, который, работая на советских предприятиях, добросовестно выполняет свои технические обязанности, но чурается рабочей массы, отрекается от пролетарской общественности и политики... Прославленная аполитичность и псевдо-нейтральность являются по существу лазейкой для вредительства»³⁴.

Такая политика находила немало сторонников среди новых руководителей профсоюзов интеллигенции. Так, ответственный секретарь Областного бюро профсоюза работников просвещения г. Ленинграда Г. С. Зайдель в своём выступлении на профсоюзной конференции научных работников 21 марта 1930 года поддержал курс на классовую дифференциацию. Не имея конкретных фактов контрреволюционной деятельности в профсоюзе работников просвещения, он доказывал правильность своей позиции ссылкой на «теорию больших

чисел», указывая, что в профсоюзе «около 30–35% выходцы из дворян», которые, по его мнению, «срослись со старой психологией и с царским режимом», что давало по отношению к ним ... «право на недоверие»³⁵.

Благодаря активной деятельности подобных профсоюзных «активистов» только в Москве за 1929–1930 гг. из 8229 научных работников и преподавателей высшей школы было исключено из профсоюзов 1722 человека по политическим мотивам и 2500 человек — из-за неявки на проверочные комиссии³⁶.

Атмосферу, царившую в профсоюзах периода «чистки», передают письма рядовых членов в их руководящие органы. В личном архиве академика Н. Я. Марра, одного из руководителей секции научных работников Союза работников просвещения, сохранилось письмо, датированное 17 декабря 1931 года. Оно принадлежит перу провинциального научного работника из Сибири, который описывает свои впечатления от царившей в обществе атмосфере. Автор письма сообщал, в частности: «Вот мои наблюдения: граждане СССР лишены властью всех человеческих и естественных прав... У нас все мельники, кузнецы, кожевники, кустари три года назад объявлены уголовными преступниками. Сидят в тюрьмах, ограблены дочиста... Голодных, разутых, больных мужиков и баб до 60 лет гонят дубьём, тюрьмой, штрафами в лес. По совести — это социалистическая организация труда! Всюду насилие, обман, наглейшая спекуляция... В кооперации пусто: пудра! духи! Ни гвоздя, ни верёвки!... Все эти советы, собрания — это молчаливая, запуганная толпа. В президиуме — ГПУ с револьвером...

Это социализм? Творчество и энергия пролетариата... выразилась пока: 1) в общем усиленном воровстве и грабеже; 2) в упадке трудовой дисциплины; 3) в

текучести рабочей силы и привело страну в состояние государственного рабства — хуже крепостничества!...»³⁷.

Но были ли среди интеллигенции выступления, носившие оппозиционный характер? Имеющиеся документы показывают, что основная масса обвиненных в контрреволюционной деятельности выступала не столько против Советской власти, сколько против тех методов, которыми осуществлялась перестройка народного хозяйства. Настроения этой группы выразил в своих мемуарах профессор ЛГПИ им. А. И. Герцена Б. Е. Райков, репрессированный в 1930 году. Он писал: «Я не чувствовал никакого расположения к политике и, к тому же, не одобрял некоторых мероприятий Советской власти, например, разгон Учредительного собрания. Но мне и в голову не приходило заниматься саботажем, в какой бы ни было форме. Напротив, я считал, что могу идти в ногу с новой властью в области моей научно-педагогической работы и могу рассчитывать на её поддержку»³⁸.

Иную картину представляют документы ОГПУ. В докладах сотрудников этой организации недовольство части учёных методами перестройки народного хозяйства, проводимой Сталиным и его сторонниками, «превращалось» в хорошо организованное подполье, которое охватывало широкие круги интеллигенции. В одном из докладов перед руководством фракции ВКП(б) Союза работников просвещения от 21 сентября 1929 года представитель ОГПУ Петров отмечал: «За последние два года ликвидировано 36 подпольных интеллигентских организаций — с общим количеством людей в 500 человек. Причём эти организации были построены по профсоюзному принципу, там можно найти инженеров, педагогов, студентов, профессоров и даже представителей Академии наук... Из 400 лекторов политпро-

света 100 человек находится на учёте в ГПУ...»³⁹.

Местные отделения профсоюзов не только не препятствовали, а, наоборот, тесно сотрудничали с карательными органами. Представители ГПУ не только выступали с отчетами перед коммунистами-членами профсоюзных организаций, но и ставили перед ними задачи о необходимости выяснения политических настроений в вузах и научных учреждениях.

Например, ЦК Союза работников просвещения рассылал специальные письма, в которых предлагал организовать регулярную информацию ЦК Союза рабпроса... путём выделения в вузах и научных учреждениях особых «постов» из партийных или преданных партии научных работников, которая имела бы задачей систематически осведомлять руководство профсоюза о жизни вуза и его научной общественности⁴⁰.

Таким образом, профсоюзы всё более превращались в придаток создаваемой командно-административной системы.

Всё это не могло не привести к падению авторитета профсоюзов.

В дальнейшем наркоматы начинают играть всё более ведущую роль при определении социально-бытовых нужд членов профсоюзов. Руководители профсоюзов превращались в молчаливых статистов, которые всё более ставились в зависимость от решений административных органов.

На XVI съезде Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) были подведены итоги перестройки профсоюзов. Новое руководство профсоюзов рапортовало об окончательном завоевании профсоюзов и утверждении новой идеологии профсоюзного движения. Выступавший на съезде Н. М. Шверник раскрыл смысл лозунга «Лицом к производству». По его словам, это означало «мобилизацию миллионных масс рабо-

чего класса на выполнение задач социалистической реконструкции». Профсоюзы должны были руководить социалистическим соревнованием, повышать производительность труда, мобилизовать массы на выполнение промфинплана и т. п.⁴¹

Государство брало на себя обязанность определять размер роста материального положения рабочих, исходя из темпов индустриализации страны. Профсоюзы же выступали только как контролирующий орган, «борец с бюрократическими извращениями» по линии соцстраха, охраны труда, жилищного и культурно-бытового строительства⁴².

Закономерным итогом усиления роли государственных органов перед общественными организациями стала перестройка организационной структуры профсоюзов.

29 августа 1934 года ЦК ВКП(б) принял постановление «О перестройке профсоюзов», где указал создать из 47 профсоюзов 154⁴³. Разукрупнение профсоюзов сопровождалось упрощением их структуры, ликвидацией «лишних» звеньев, сокращением платного аппарата. В 44 отраслевых профсоюзах, объединяющих наиболее крупные промышленные предприятия, ликвидировались средние звенья — краевые и областные комитеты. Общее количество оплачиваемых специалистов в профсоюзном аппарате сокращалось на 35%⁴⁴. Квалифицированные профработники заменялись выборными профактивистами, не имеющими специальной подготовки.

Сокращение профсоюзного аппарата оправдывалось экономией профсоюзных средств, которые предполагалось направить на материальное и культурное обслуживание членов профсоюзов.

После реорганизации каждый профсоюз объединял в среднем от 20 до 300 тыс. членов профсоюзов. Районные советы профсоюзов сохранились только в крупных промышленных районах с числом рабочих свыше 10 тыс., а в остальных их функции выполняли уполномоченные областных советов профсоюзов⁴⁵.

Дальнейшие события показали, что разукрупнение профсоюзов вело к развалу профсоюзного движения. Крупные промышленные профсоюзы, дробясь и мельчая, теряли своё влияние на формирование и проведение государственной социальной политики. Уменьшившиеся бюджеты профсоюзных организаций не позволяли им более самостоятельно решать хозяйственные и культурно-бытовые задачи, ставили их в зависимость от хозяйственных органов. Распылённая сеть мелких профсоюзов препятствовала оперативному руководству ими, ослабляла организационную работу профсоюзов.

Подводя итог перестройки профсоюзов в период «великого перелома», необходимо отметить, что общественные объединения трудящихся были поставлены под тотальный политический и организационный контроль правящей партии. Профсоюзы действительно становились «приводным ремнём партии», но уже в сталинском понимании.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб), ф. 457, оп. 1, д. 123, л. 4.

² Там же.

³ Там же, л. 4об.

⁴ Там же, л. 1.

⁵ Как ломали НЭП. М., 2000. Т. 2. С. 427.

⁶ Там же. Т. 4. С. 60.

- ⁷ VIII Всесоюзный съезд профессиональных союзов: Стенографический отчёт // Бюллетень. 1928. № 12. С. 62.
- ⁸ Там же. С. 64.
- ⁹ Горелов О. И. Цугцванг Михаила Томского. М., 2000. С. 201.
- ¹⁰ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., Т. 4. 1984. С. 433.
- ¹¹ Евреинов Н. Против уклонов от ленинской линии в профдвижении. М., 1930. С. 86–87.
- ¹² История профсоюзов России: этапы, события, люди. М., 1999. С. 171.
- ¹³ металлист. 1929. № 3.
- ¹⁴ Наша газета. 1929, 21 сентября.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Там же. 25 сентября.
- ¹⁷ Акулов И. Профсоюзы лицом к производству. М., 1930. С. 18.
- ¹⁸ Евреинов Н. Н. Указ. изд. С. 74.
- ¹⁹ Акулов И. Указ. изд. С. 35.
- ²⁰ Там же. с. 40.
- ²¹ Акулов И. Указ. изд. с. 44.
- ²² XVI съезд Всесоюзной Коммунистической партии(б): Стенографический отчёт. М., 1930. С. 275–277.
- ²³ КПСС в резолюциях... 1984. Т. 5. С. 17.
- ²⁴ Лельчук В. С. Курс на индустриализацию и его осуществление // Страницы истории советского общества. М., 1989. с. 214.
- ²⁵ XVI съезд Всесоюзной Коммунистической партии(б): Стенографический отчёт. М., 1930. С. 234.
- ²⁶ Носач В. И. Через тюрьмы и ссылки. СПб., 1999. С. 73.
- ²⁷ ЦГАИПД СПб, ф. 24, оп. 4, д. 51, л. 1.
- ²⁸ Центральный государственный архив Российской Федерации (ЦГА РФ), ф. 5462, оп. 18, д. 58, л. 4.
- ²⁹ Там же, л. 5.
- ³⁰ Там же, л. 7.
- ³¹ ЦГАИПД СПб, ф. 1012, оп. 2, д. 332, л. 21.
- ³² ЦГА СПб, ф. 6307, оп. 12, д. 17, л. 32, 34.
- ³³ ЦГАИПД СПб, ф. 434, оп. 1, д. 42, л. 82.
- ³⁴ Ленинградская правда. 1930, 29 января.
- ³⁵ ЦГА СПб, ф. 6307, оп. 13, д. 41, л. 22.
- ³⁶ ВАРНИТСО. 1931. № 6. С. 84.
- ³⁷ Санкт-Петербургский федеральный архив Российской академии наук (СПб ФА РАН), ф. 800, оп. 4, д. 226, л. 1.
- ³⁸ СПб ФА РАН, ф. 893, оп. 2, д. 5, л. 134.
- ³⁹ ЦГАИПД СПб, ф. 434, оп. 1, д. 35, л. 80.
- ⁴⁰ ЦГА РФ, ф. 5462, оп. 18, д. 74, л. 112.
- ⁴¹ XVI съезд Всесоюзной Коммунистической партии(б): Стенографический отчёт. М., 1930. С. 649.
- ⁴² Там же. С. 661.
- ⁴³ ЦГА РФ, ф. 5462, оп. 18, д. 123, д. 15.
- ⁴⁴ Профсоюзы СССР. Документы и материалы. М., 1962. Т. 2. С. 823.
- ⁴⁵ Постановления пленумов ВЦСПС (девятого созыва). 1932–1948. М., 1949. С. 77–92.